

Писать об актере уже сложившемся, за плечами которого немалый творческий опыт, трудно. И в то же время легко: у него определилась своя тема в искусстве, выявились, в основном, возможности. Актер Московского театра им. Ленинского комсомола Михаил Державин совсем еще молод (всего четыре года назад окончено училище им. Б. В. Шукина) и находится, что называется, в самом начале своего сценического пути.

Разные бывают они, эти «начала». Бывают — словно трамплин к значительному творческому взлету. Бывают... Да что там греха таить: случается, что после них... ничего не бывает. И смотришь, уже начинают поговаривать критики, зрители и товарищи по искусству: «Вот, — мол, — выдохлось дарование, не оправдало надежд».

Правда, четыре роли гастрольного репертуара — не слишком обширное поле для наблюдений. И все же, основываясь на них, хочется выразить убеждение, что Державину подобное не грозит. Природа наделила его счастливой внешностью, сценическим

В ТВОРЧЕСКОМ ПОИСКЕ

обаянием. Но актер стремится выйти за рамки наиболее легкого для него амплуа. В гастрольном списке его ролей — очень разные по характеру, степени бытовой достоверности, по человеческому содержанию. И этот поиск не только в выборе образов, но и в стремлении к филигранной, тщательной их разработке.

В трагикомедии современного западногерманского драматурга К. Виттлингера «Лучше останься мертвым» есть такой эпизод. Доктор (М. Державин) собирается прорепетировать свой предстоящий разговор с профессором. И свою «роль» поручает сыграть молодой медицинской сестре Эмме Фишер.

— Вы думаете, эта деталь превратит меня в вас? — удивляется та, когда он сует ей в руки свою любимую трубку для табака.

Поиск решений выразительных и, вместе с тем, лаконичных характерен и для работы самого Державина в этом спектакле, по-

РАЗВЕДКА БОЕМ

ставленном на сцене театра Алексеем Баталовым.

К. Виттлингер взволнованно (и необычно по форме) рассказывает о судьбе «маленького человека» в своей стране. Едва намечена, очень условна сценическая обстановка; двое из троих занятых в пьесе актеров должны создать каждый по несколько образов; короткие эпизоды быстро следуют друг за другом, — условия, требующие от постановщика и исполнителей не только искренней заинтересованности в происходящем, но и весьма осязательного мастерства.

Приятно, что М. Державин во многом проявляет его, что в этом спектакле у него есть и такие творческие победы, которые следует оценить по самому высокому счету. Взять хотя бы зловещий и многозначительный образ секретаря магистрата Крумбауэра. Крумбауэр во многом символическая фигура. И актер лепит его с особенной тщательностью.

Кто перед нами — убо-

гий и ничтожный человечико? Угодливый изгиб неуклюжего тела. Чуть вывернутые назад ступни. Мягкие, пухлые ручки, все время перебирающие одна другую... Не тут-то было! Прошли считанные минуты сценического действия, но мы уже поняли: подобострастен и слаб Крумбауэр лишь перед тем, кто сильнее. За невзрачной личиной — хищное, волчье нутро.

Да и не только здесь проявляется беспощадная, сатирическая нотка дарования молодого актера. В образе секретаря горкома комсомола Переверзева из спектакля «До свидания, мальчики!» цель осмеяния — иная; Алешка в общем-то пока еще «свой» парень. Возражение и смех вызывают в нем только отдельные черты. И актер все время, не срываясь и не перенгрявая, точно выписывает тщательно выверенный острый рисунок роли.

В повести Б. Балтера, на основе которой написана пьеса, Алешка очерчен

с легкой, даже чуть грустной иронией (часто так вспоминают детство!). Смешон этот парень, подпавший под гипноз похвал его ораторским способностям: в школе он обратил на себя внимание яркой речью о вреде сусликов, да и вообще мог говорить длинно и без запинки на любую тему. С легкой иронией подает его и Державин, развивая мимикой брошенную в повесть реплику: «ораторское» Алексей произносит какой-то унылой, бесцветной скороговоркой, словно из пулемета строчит. А «неораторское» — нормальным голосом, как все люди.

Каким станет дальше Алешка — схлынет в его натуре это смешное или окажется не случайным? Актер показал его так, что и мы вместе с ним задумаемся о судьбе паренька (а, может быть, и не только его).

Чувствуется: М. Державин не позволяет себе не

думать над ролью. Видно, потому так полковник нам его Юрий Куницын из комедии Д. Угрюмова «Чемодан с наклейками». В пьесе образ этот выписан скучновато — типичнейшая «голубая ролька». Державин расцветывает ее то одной, то другой комедийной деталью, обогащает умением чувствовать легкую и лиричную стихию комедии-водевиля.

А вот в роли Владимира Лошманова из пьесы Э. Радзинского «Вам 22, старик!» требовалось умение решить совсем иные, психологические задачи. Жаль, что слабая драматургия (пьеса — первое произведение молодого автора) лишает возможности говорить об этой в общем-то интересной работе актера без скидок.

Есть у молодого актера слабости. Есть роли более и менее удавшиеся. Но он работает, думает, ищет. В одном из стихотворений И. Эренбург назвал свою молодость «разведкой боем». Так в жизни. Так и в искусстве. Видно, М. Державин хорошо понимает это.

Ю. МАТАФОНОВА.

